

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; член союза кинематографистов России, г. Шуя, Ивановская область, Россия

Воскрешение предков (экзистенциально-биографический очерк)

Тема воскрешения ушедших: от Древнего Египта, христианского Апокалипсиса и философии общего дела Н. Ф. Фёдорова – при разных прочтениях, символически задана страждущему человечеству в обобщающей архетипической стратагеме «оживления человека» (А. В. Михайлов). Этот глубочайший опыт человечности исходно встроен в более обширную, космологически ориентированную, проблематику апокатастазиса, всеобъемлющего холистического восстановления, при самых разных трактовках его сущности и глубинных усовершенствительных механизмов. Мы убеждены в том, что значительный вклад в разработку всей данной тематики вносит отношение человека к собственной экзистенциальной биографии и её макроисторической обусловленности. Этому авторскому опыту посвящён нижеследующий материал.

Ключевые слова: прошлое, восхождение, Вечная Книга, предки, родство, катастрофы и смыслы.

Обращение к жизненным мирам человеческой культуры и канувшей в Лету их ветвящейся макроистории, как и к уже обвалившемуся в её недра прошлому наших ближайших предков – оправдано идеей воскрешения лучшего в нас, представителей страждущего человечества, милостью Божьей восходящего из гибельных пропастей на неприступные для твари метафизические вершины. Только в такой неоплатонической редакции я принимаю фёдоровскую «философию общего дела»...

Весною 1964 года мои родители – Пётр Семёнович Океанский (24 июня 1938 г. – 29 января 2013 г.) и Римма Михайловна Океанская, в девичестве – Автореева (1 ноября 1937 г. – 6 января 2026 г.) – в день космонавтики, а точнее — вечером этого дня, встретились в Доме учителя – это известный терем на площади Пушкина в Иванове, там отец сказал маме такие первые слова: «Пойдём, потанцуем!»; в разгаре надвинувшегося лета они отравились в Сочи, где был зачат я, родив-

шийся через годик после их первой встречи — 16 апреля, у порога Вербного воскресенья...

Прочитав в Добротолубии у преп. Макария Египетского о пасхальном символизме апреля, я как-то призадумался, а часто ли совпадает мой день рождения со Святой Пасхой Христовой и был весьма удивлён ретроспективами и перспективами таких календарных лет в окрестностях трёх нам чем-то родственных столетий: 1865 — 1876 — 1922 — 1944 — 2017 — 2023 — 2028; более таких совпадений не было ни в пушкинские времена, ни в более продвинутой фазе начала L'Acquariene Age уже не будет!

Часто представляется, что мы всё выбираем сами – и в этической сфере это безусловно так (отдельный вопрос тут – с выбором людей, сильно отличающимся от выбора себя, не менее сильно, чем выбор нас другими). Но прав ведь тут и Спиноза, заметивший, что брошенный камень при наличии сознания

мог бы подумать, что он летит свободно! Во многом я вижу себя существом архаическим – человеком судьбы (потому есть ещё над чем самому поработать): меня, не спросив, произвели родители, дали имя и родину, нянчили дед да баба, сразу с моим рождением завершив свой трудовой путь в спецслужбах и управлении системы Госбанка СССР (я, как посаженный ими дуб, рос меж осинами и апельсинами — а потому мой несомненный платонизм никогда не чуждался ницшеанско-диогеновских прививок метафизического андеграунда), вскормила калиновская корова, как и курочка Ряба у лесного пня под сказочным Угличем с его небесными ангелами и их великими поверженными сопротивниками; призвал меня к себе Господь через Божьих людей, крестивших меня в юности, когда я приехал на побывку с флота; и символической метафизикой, реализованной на профессиональном поприще, я был намагничен с детства, манящего кораблями и космическими очарованиями, разверзаниями скрещающихся линий жизней и смертей, в свой черёд посылающих и забирающих людей, но сохраняющих непреходящие смыслы в Книге Бытия... И сама наша скоротечная жизнь предстаёт в моём воображении как экзистенциальный комментарий к этой Вечной Книге.

Один несомненный выбор я всё-таки совершил в своей жизни в эпиклезе её необратимого таинственного разлома: когда меня на распределительном пункте Краснофлотска, что на Балтийском побережье, приписали служить на два года в морскую авиацию на береговой аэродром под Выборгом, в чём я совсем и не видел ничего плохого либо скучного для себя — но всё-таки попросил о *большем*, если только это возможно: отправить меня на три года служить на корабль, получив полное и действенное, хотя и удивлённое, одобрение командования моему намерению... Таким образом, я совершил однозначно свободный выбор в сторону Океана, именем которого исходно была отмечена не только моя фамилия, но и эпохальное время, ибо прослужив меньше трёх лет, я уже никогда не смог бы вернуться в изменившуюся страну, где столь многим людям пригодился — заплутал бы на прибрежных аэродромах...

Поднимаясь университетским этажом выше: с физфака – на филфак, от астрофизики – к метафизике, я – точно в дивном сновиде-

нии! – столкнулся с профессором классической филологии Базельского университета Фридрихом Ницше, который мне проникновенно улыбнулся: «Я ушёл из дома учёных и плотно закрыл за собою дверь!» – это произвело на меня такое ошеломляющее впечатление при входе в научную гуманитаристику, что врезалось в память и бросило восхитительный отсвет на всю оставшуюся жизнь... В эмоциональной авторской биографии всегда наибольшее значение имели мои стихи и художественные медитации. А из наследия «Будды Европы», как автор Заратустры поименовал себя, меня больше всего поразили исходные слова его автобиографии: «Я, как трава у погоста, родился человеком в пасторском доме».

Дед мой по маме, от которого сохранились опубликованные нами литературные произведения о войне – Михаил Иванович Автореев (12 мая 1907 г., деревня Забелино по Климатинской дороге из Углича в кашинском направлении – 8 декабря 1996 г., Иваново), его родители – Анна Васильевна Автореева и Иван Пименов, взявший фамилию родовой жены, её отец – Василий Григорьевич Автореев. В имеющихся древнерусских летописных документах жители с фамилией Автореевы были очень важными персонами из русского новгородского духовенства в XV – XVI веках, имевшими хорошую государеву привилегию. Исторические корни этой фамилии можно почерпнуть в книге переписи населения Древней Руси в эру правления Иоанна Грозного. У царя имелся особенный список привилегированных боярских и священнических фамилий, которые давались приближённым только в случае особых заслуг или поощрения, таким образом, настоящая фамилия является уникальной и все потомки Автореевых являются нашими кровными родственниками.

Бабушка моя, мамина мама – Валентина Николаевна Автореева, в девичестве – Калмыкова (20 января 1908 г., Санкт-Петербург – 13 марта 1996 г., Иваново), её родители – Николай Иванович Калмыков и Елизавета Алексеевна Калмыкова, в девичестве – Копылова. Родившись в богатой семье владельца обувной фабрики, Баба Валя моя жила в центре города близ Московской площади, в двухэтажном доме, где была своя домашняя церковь и священник; маленькой де-

вочкой часто видела в проезжающей карете царскую семью, их дочерей, наследника и приветствовалась с ними – она прожила очень долгую жизнь, и я держал в своих руках эти руки, приветствовавшие живого царя и его семью... Но шестнадцатилетний Миша Лермонтов написал ещё в 1830 г. своё гениальное «Предсказание»:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт –
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пищей многих будет смерть и кровь,
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон...*

Кроме моей мамы в их семье были ещё сыновья: Вячеслав Михайлович Автореев (1934 – осень 1938), в честь которого назвали меня – он умер в детстве от скарлатины, которую завезли московские родственники; а ещё – Василий, который умер в младенчестве... Бабушка с горечью говорила, когда я родился: «Мальчики у нас не живут» – но мама ответила ей: «А у меня будет жить!» Она иногда называла меня маленького ХВА-гиком, утверждая, что это я сам себя так называю – у меня есть небольшой рассказ «Его корабли»:

ХВАгик тогда ещё не знал, чем закончится эта история. Он спускался по береговой тропочке к тихой речке, когда увидел старую лодку с вёслами, оставленными в уключинах; она была привязана ржавой цепью к прогнившим столбикам у края воды...

— Хва-а-агик, возвращайся: пойдём в город – смотреть корабли! – послышался наверху голос мамы...

Возвращайся? – подумалось ему, – я ещё не начал свой путь и... возвращайся.

Вернулся. Потом были высокие колосья, лес и поле, рассыпались домики у широкой реки, как кубики, открывались просторы – и огромные белые лайнеры словно замерли на пороге Неведомого с готовностью погрузиться в его манящую пучину...

Голова кружилась – на то и круглая – и тропочка была скользкая от росы; в мареве раннего утра после бурных сновидений, отлетевших и полузабытых, сквозь прибрежный туман он увидел отвязанную от берега новую лодку – а над тихой речкой и ласковым журчанием её волн слышался голос мамы:

— Хва-а-агик, возвращайся: пойдём в город – смотреть корабли!

С навсегда уже теперь недавним уходом мамы колесо времени круто повернулось для меня, унося из того светлого прошлого, где навсегда остались мы рядом с нею – в той трудной и счастливой шестидесятилетке нашего общего пути по родным домам и тропочкам, полям и лесам, рекам и морям... Существенное место её образ занимал в моих литературных опытах – а Господу писал по её уходу:

*Не перестану я плакать
И через сорок дней,
И через год,
И через двадцать:
И в Вечности –
В бесконечном радовании –
Слёзы эти впадут
В залив Твоего Океана
Блаженного Утешения.*

Есть интересная фотография её юности, где она в зимнем лесу вкушает снег с берёзового пня:

Я написал об этом так:

*Нет ничего вкуснее снега
В лесах бывлой Гипербореи,
Где после титаниды Лето –
Гуляла Римма Автореева...*

*А что осталось от мгновенья,
Где ты сама себе награда:
Метаморфозы, превращенья –
В мирах, где памяти не надо...*

*Но ты остановила бег:
Вокруг тебя – искрится снег!*

И, однако, детство моё ипостась внука выражало как-то более выпукло, чем даже сына – но родители видели в этом не проблему, но, скорее, действие могучих сил судьбы – папа часто говорил обо мне: «Автореевская порода!» У него были карие глаза, а у меня – серые, в маму и деда, у бабушки же были карие, как и у младшей моей сестры Наташи.

Деда моего по отцу звали Семёном Ивановичем (24 мая 1889 г. – 30 августа 1961 г.), он, как и два других его брата – Тимофей и Александр, были потомственными военными, офицерами царской армии, служа в инженерных войсках и воздвигая через сибирские реки грандиозные мосты, чертежи которых ещё оставались у нас в детстве... Он женился на киевлянке Александре Семёновне Карицкой (7 января 1895 г. – 2 декабря 1977 г.), отец которой, согласно семейному преданию, обрёл свою смерть в холодной пучине весенней Атлантики, будучи безбилетным пассажиром «Титаника»... Я видел её два раза в детстве: один раз она приезжала в Иваново, а другой мы приезжали к ней в Бийск – это была глубочайшим образом богомольная и мистическая православная бабушка советских времён, называвшая меня на какой-то польский манер: «СлАвичек».

От их брака родились дети: Дмитрий Семёнович – в 1921 г., о жизни и смерти его мне мало что известно, но знаю, что был он Героем Советского Союза и оказался лишён этого звания после убийства военкома; Сергей Семёнович (26 марта 1927 г. – 25 апреля 1982 г.), служил на флоте, всю жизнь любил свою учительницу и спился под её портретом; Илья Семёнович (2 августа 1943 г. – 9 июля 2000 г.), в юности был подводником, как и ближайший его старший брат – мой отец; были ещё три дочери: Ева – её ещё девочкой застрелили в Сибири, во время войны, выстрелив прямо в домашнее окно, потому что отец её к соседке ходил – таковы были нравы, и, как писал позднее Евг. Евтушенко: «Кто не бывал у нас в Сибири – тот ничего не понимает...»; а кроме неё – Анна Семёновна, в за-

мужестве – Варламова, да Мария Семёновна, в замужестве – Ищенко, дожившие до глубокой старости, но сведений о них нет, кроме того, что муж последней – Степан (8 января 1928 г. – 21 марта 1993 г.), разбился в автокатастрофе за рулём своей машины...

Отец имел инженерное образование энергетического института и университетское гуманитарное образование историка, однако большую часть своей жизни работал на руководящих должностях в сфере государственного хозяйства, начиная с системы метрологии и госстандартов, где одно время, совпавшее с моим ранним детством, имел должность государственного повелителя. Мама была учителем географии, но, начиная с сельской школы в далёком костромском уголке, вела практически все школьные предметы, позднее она работала и воспитателем в школе для умственно отсталых детей (учителя говорили мне: «Пусть твоя мать забирает тебя в свою дурацкую школу»), а на пенсии одно время даже потрудились смотрителем зала в знаменитом масонском музее.

Мы повествуем здесь об ушедших поколениях наших предков, а не о жёнах, детях, племянниках поколений нынешних, которым ещё предстоит разобраться с самими собою и выстроить свою дорожную карту. Последнее совершенно немыслимо полноценно осуществить в отрыве от судеб отечества и человечества и определённой аксиологии их развёртывания, от картины мира или мифологического тоталитета, довлеющего над умами людей. Все без исключения, о ком я упоминал здесь, оказались в ужасающем макроисторическом разломе, зафиксированном такими великими текстами интеллектуальной культуры человечества как «Закат западного мира» Шпенглера, «Кризис современного мира» Гегена, «Европейский нигилизм» Хайдеггера, «Диалектика мифа» Лосева – рывок метамодерна из этой пропасти оставляет нам пока только символические ориентиры.

Сталин поднимал страну из революционной пропасти и войны в открытый космос: сакральный и физический, когда восстанавливал патриаршество и помышлял о звёздах... Очень плохо понимают, что не 1990-е годы, а позднесоветское токсичное время, перед которым, конечно же, отдыхает даже локальный Чернобыль, подготовило и взрастило у нас пятую и шестую колонны, вскормлен-

ные Западом для игры в долгую на окончательный подрыв Традиции, Востока, России. Для меня такое положение дел было совершенно очевидно уже в 1980 году, когда я это пытался разъяснить учительнице и классу на уроке обществоведения – диагностировали: «наслушался вражьих голосов», хохотали и вызывали родителей... На флоте же обречённость предперестроечной страны становилась всё более очевидной.

Когда у нас первые лица во власти обращались к русским философам? – вопрос не риторический – только сегодня! Причём – ко всему путеводному их созвездию! Но для меня очень рано улетучилась прогрессистская неомифология – в те годы консерватизм ещё почитался вполне дурным диагнозом...

Когда в начале 1980-х я говорил, что мы находимся на пороге крушения страны – вызывали в школу отца по факту «неправильного мировоззрения», а дед спасал от отцовского гнева, тюрьмы и КГБ; и когда на излёте тысячелетия я говорил, что мы находимся на пороге большой войны – мне крутили у виска и смеялись окружающие товарищи и коллеги; теперь, когда многие поумирали, а оставшиеся в основном ностальгируют по совковой жизни – мне вспоминается как в позднесоветские времена в городах водилось много уличной шпаны, милиционеры отнимали деньги у подростков, царили уголовщина и поножовщина, повальный алкоголизм, полностью сгубивший русскую деревню, официальное лицемерие, пресыщенный губошлёп, секретарствующий на троне и коллекционирующий импортные машинки – флагман школьной моды, испещрённые матерщиной и похабными рисунками туалеты – всё это весьма характерные черты того мира, объективное и скорое крушение которого мне было совершенно очевидно ещё в пятнадцать лет – к 1980-му олимпийскому году; хотя не было ни одного мгновения, когда бы я радовался крушению страны, ставшему едва ли не обще-

ственным праздником на пороге 1990-х... Дальше останавливались фабрики и заводы, колхозы и аэродромы – но агонизирующая толпа, нищая и ничтожная, всё ещё по инерции ликовала, ругая коммунистов, пока не взошли на капитанский мостик их прямые наследники – «демократы», потащившие страну к самоубийству.

Кто всего этого не помнит – тот просто не жил тогда, не родился или просто проспал то время в его самых болевых порогах, подвергся анестезии памяти...

Если бы я в юности не обратился к религиозной философии и не пересёк на службе в ВМФ СССР моря и океаны времени, образующие гигантский смысловой разлом – то никакие астрофизика и космология не спасли бы меня, как не спасли они от суицида Э. В. Ильенкова с его «космологией духа», и я просто зачах бы, как бесплодное осино-апельсиновое дерево, в том времени, по которому сегодня так тоскуют поколения фатально глупеющего прогрессирующего человечества.

Но раньше ещё я уехал на первом же велосипеде из времени своего детства – и никогда о том не жалел.

©Океанский В. П., 2026